

Научная статья
УДК 82
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-53
EDN: BSQASO

Интертекст как поэтическая стратегия С. Г. Стратановского в самиздатском журнале «Обводный канал»

Лю Гаочэнь

Аспирант кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета. 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9
st112042@student.spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2983-7563>

Аннотация. Неофициальная литература сыграла незаменимую роль в культурной жизни СССР второй половины XX в., и в этом контексте самиздатский журнал «Обводный канал» (1981–1993) стал значимой ареной для художественного самовыражения в позднесоветском Ленинграде. Настоящая статья посвящается поэтическим публикациям С. Г. Стратановского (р. 1944) – постоянного автора и соредатора журнала. Посредством интертекстуального анализа рассматриваются тематический репертуар, стилистические особенности и стратегии самоосмысления поэтом собственной творческой позиции с целью выявления механизмов структурирования индивидуальной поэтической системой. Поэзия Стратановского этого периода формируется на пересечении двух направлений: поэтизации советской обыденности и разработки религиозных мотивов. Его тексты отличаются жанровым разнообразием (оды, элегии, послания, фельетоны), насыщены элементами гротеска, иронии и эпатажа. Переход от экзистенциальной скорби к духовным поискам обозначает важный этап в творческом становлении Стратановского, подготавливая почву для дальнейших религиозно-философских размышлений и этнографических исследований. Символический образ «Обводного канала», закрепившийся в названии самиздатского проекта, становится метафорой поэтического пути и знаком идентичности андеграундной культуры. Интертекст в поэтике Стратановского выступает как инструмент концептуализации поэтического «я», обеспечивающий связность между произведениями разных периодов и формирующий непрерывный текстовый континуум. Результаты исследования подтверждают, что публикации в «Обводном канале» фиксируют качественно новый этап творчества Стратановского: именно в этом журнале формируется его поэтическая система, тематико-стилевой арсенал которой получает дальнейшее развитие в более поздних сборниках. Интертекстуальные стратегии становятся основой для удержания смысловой целостности поэтического мира.

Ключевые слова: неофициальная литература; самиздат; С. Г. Стратановский; «Обводный канал»; интертекст; авторская поэтика

Статья подготовлена при поддержке гранта для аспирантов, предоставленного Китайским стипендиальным советом (China Scholarship Council, CSC)

Для цитирования: Лю Гаочэнь Интертекст как поэтическая стратегия С. Г. Стратановского в самиздатском журнале «Обводный канал» // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 53–65. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-53>. <https://elibrary.ru/BSQASO>

Original article

Intertext as S. G. Stratanovsky's poetic strategy in the samizdat magazine «Obvodny kanal» («Bypass canal»)

Liu Gaochen

Postgraduate student, department of the history of russian literature, St.-Petersburg state university. 199034, St.-Petersburg, Universitetskaya emb., 7–9
st112042@student.spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2983-7563>

Abstract. Unofficial literature played an essential role in the cultural life of the USSR in the second half of the XX century, and in this context the samizdat magazine «Obvodny kanal» (1981–1993) became a significant arena for literary self-expression in Leningrad in the late-soviet period. This article focuses on the poetic publications by S. G.

Stratanovsky (b. 1944), a regular author and co-editor of the magazine. Through intertextual analysis, the study examines his thematic repertoire, stylistic characteristics, and strategies of self-reflection on his own creative position, with the aim of identifying the mechanisms that structure his individual poetic system. Stratanovsky's poetry of this period develops at the intersection of two trends: the poetization of everyday soviet life and working on religious motifs. His texts are characterized by genre diversity (odes, elegies, epistles, feuilletons), and are full of grotesque, irony and epatage. The transition from existential grief to spiritual search marks an important stage in Stratanovsky's creative development, paving the way for further religious and philosophical reflections and ethnographic research. The symbolic image of the «Obvodny kanal» in the name of the samizdat project becomes a metaphor for the poetic way and a sign of the underground culture identity. In Stratanovsky's poetics, intertext functions not only as a response to the cultural codes of the era but also as a tool for conceptualizing the poetic self, providing coherence between works of different periods and forming a constant textual continuum. The results of the study confirm that the publications in «Obvodnyi kanal» show a new quality stage in Stratanovsky's work: it is in this magazine that his poetic system is formed, the thematic and stylistic arsenal of which is further developed in later publications. Intertextual strategies thus serve as the foundation for maintaining the semantic integrity of a poetic world constructed at the intersection of personal memory, cultural tradition, and historical rupture.

Key words: unofficial literature; samizdat; S. G. Stratanovsky; «Obvodny kanal»; intertext; author's poetics

This article is sponsored by a postgraduate student grant from the China Scholarship Council (CSC)

For citation: Liu Gaochen Intertext as S. G. Stratanovsky's poetic strategy in the samizdat magazine «Obvodny kanal» («Bypass canal»). *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(2):53–65. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-53>. <https://elibrary.ru/BSQASO>

Введение

Неофициальная литература как один из важнейших феноменов позднесоветской культуры выступала пространством альтернативного литературного творчества, в рамках которой происходило переосмысление художественной автономии и интеллектуальной субъектности. Особенно активный этап развития «второй культуры» в Ленинграде пришелся на 1970–1980-е гг., когда кризис советских ценностных стандартов становился все более ощутимым. Именно в этот период появились многочисленные «толстые» неподцензурные периодические издания, среди которых особое место заняли «Часы», «37», «Обводный канал» и «Митин журнал» [Каталог, 2018, с. 143–145; Самиздат, 2003, с. 25–31].

Литературно-критический журнал «Обводный канал» выделялся не только редкой для той эпохи полемической направленностью, но и тщательным отбором произведений [Памяти, 2019, с. 343]. Издававшийся с 1981 по 1993 г., он охватил сложный период социальных и культурных потрясений позднесоветского эпохи, что нашло отражение в разнообразии как затронутых его авторами тем, так и их эстетико-идеологических ориентиров.

В данной статье особое внимание уделяется стихотворным публикациям ленинградского поэта С. Г. Стратановского (род. 1944), постоянно-го автора и соредатора «Обводного канала» вплоть до 11-го выпуска за 1987 г. Логично предположить, что сочетание двух ролей предо-

ставляло Стратановскому большую степень свободы при выборе собственных текстов для публикации, позволяя ему отразить ключевые идеи и особенности его творчества в разные периоды. Тем не менее, количественно присутствие поэта в своем журнале оказалось довольно сдержанным: за весь период существования издания было опубликовано всего десять стихотворений и четыре поэтических цикла.

Перечисляем названия произведений в хронологическом порядке по выпускам журнала «Обводный канал»: «Плеханов-вальс, Плеханов-вальс...», «О, любовники жаркие...», «Роза просто», «Дикого плоти бутона...», «Азиатские мотивы», «Детство опять...» (1981, № 1); цикл «Библейские заметки» (1984, № 7); «Письмо к брату», «К секретарю райкома» (1985–1986, № 8); «На смерть Утопии», «Террорист», цикл «Научная фантастика в стихах» (1987, № 11); цикл «Стихи 1988 года» (1988, № 14); цикл «Стихи 1989 года» (1989, № 16).

«Дозированное» присутствие свидетельствует не только о беспристрастии редакторской политики журнала «Обводного канала», но и о значимости этих текстов, отобранных самим автором. Этот буквальный «самиздат» может рассматриваться как способ самопрезентации, с помощью которого автор стремится зафиксировать наиболее выразительные аспекты своей эстетики в определенных моменты творческой эволюции.

Выбор и распространение любого текста зачастую служит актом культурной легитимации, который напрямую соотносится с «символиче-

ской властью» и определяет позицию автора в литературной среде [Бурдые, 2007, с. 87–96]. Однако значение этого жеста иногда и выходит за рамки борьбы за признание, особенно в «замкнутых» условиях самиздата: публикация здесь может превратиться в форму углубленного самоосмысления, направленного на формирование индивидуальной поэтической системы. Как утверждает И. Гофман, каждый автор выполняет роль «режиссера» своей литературной идентичности, конструируя собственную «сцену» для аудитории [Гофман, 2000, с. 37–63]. В этом контексте предполагается понимание об участии отобранных текстов в создании единого литературного пространства, а также в выстраивании и структурировании авторской поэтики.

Уникальность стихотворных подборок Стратановского в «Обводном канале» во многом определяется интенсивным развертыванием авторского интертекста. Каждый новый текст вступает в полифонический диалог – как с литературной традицией, так и с собственным корпусом произведений автора, формируя сложную сеть отсылок и смыслов, открытых к переосмыслению [Барт, 1989, с. 384–391]. Следует отметить, что под «интертекстом» в работе понимаются не только случаи буквального повторения слов или строк, но и многоуровневые модуляции, создающие эффект внутренней поэтической серии. Подобный расширенный подход, восходящий к теориям постструктурализма и семиотической школы, позволяет рассматривать интертекста как стратегии эстетического сцепления и самоорганизации [см.: Женетт, 1998; Лотман, 2001].

В этом контексте анализ интертекстуальных механизмов помогает не только проследить расширение поэтического горизонта Стратановского по сравнению с его ранним творчеством (1968–1979), но и зафиксировать процессы выработки новых интенций, получивших развитие в лирике 1990-х гг. и последующих десятилетий. Таким образом, цель статьи заключается в осмыслении интертекста Стратановского как одного из ключевых инструментов построения индивидуальной поэтики, объединяющей тематический репертуар и стиливую палитру, а также идейные трансформации.

Тематический код: поэтизация повседневного и сакрального

В стихотворных текстах Стратановского в журнале «Обводный канал» сформировался те-

матический репертуар, который, с одной стороны, включает в себя ряд тем, затронутых в предыдущий творческий период, а с другой – становится ресурсом для вариаций поздних произведений. Этот корпус интертекста делится на две основные ветви: поэтизация советской повседневности и разработка религиозно-философских мотивов.

К первой категории – осмыслению культурной и политической реальности через призму иронии, философской рефлексии и пародийной деконструкции – относятся его публикации в первом, восьмом и одиннадцатом выпусках журнала. Наиболее показателен цикл «Научная фантастика в стихах», в котором обыгрываются ключевые идеологемы и культурные тренды эпохи: от культа космонавтики до кампаний по борьбе с пьянством и наркоманией, от гонений на последователей учения Н. Ф. Федорова до модной в те годы концепции «экологии» [Стратановский, 1987, с. 19–22].

Несмотря на злободневную направленность тематического материала, эти стихотворения лишены цинизма, морализаторской назидательности или интонации душевного угнетения. Ярким примером служит стихотворение «Плеханов-вальс, Плеханов-вальс...»:

Плеханов-вальс, Плеханов-вальс
Звучит на танцплощадке
Я вас люблю, я вижу в вас
Свой идеал в зачатке
Вас на руках нести готов
Отсюда до Камчатки

Но лучше ближе – в ночь кустов
Где луначарская луна плывет среди ветвей
И о любви поет кровавый соловей [Стратановский, 1981, с. 26]

Через повтор композита в первой строке стихотворения создается ритмическая плавность и музыкальность, имитирующая звучание легкого эстрадного вальса. Тем не менее, сочетание изысканного жанрового кода с фамилией революционного теоретика мгновенно нарушает хореографическую гармонию, внося в текст оксюморонную двусмысленность. Упоминание «Камчатки», сочетающееся с фразой «нести на руках», вызывает парадоксальные ассоциации, актуализируя советскую массовую культуру – вспомним, например, песню «Увезу тебя я в тундру» – и пародируя при этом риторику героико-

утопических жестов.

Слияние романтической образности и идеологических топосов создает пространство карнавального переосмысления. Так, образ «луначарской луны» вызывает одновременно возвышенно-лирические и иронично-бытовые ассоциации. «Луна» предстает традиционным символом романтической поэзии, меланхолии и утопического мечтания, а с другой стороны – звуковым и смысловым сближением с фамилией Луначарского, фигуры советского культурного канона. Здесь производится эффект десакрализации как политической личности, так и самого поэтического символа. Парадокс состоит в том, что оба значения – и «луна», и «Луначарский» – в равной степени таит в себе утопизм: как в вечном лирическом стремлении к недостижимому, так и в культурной программе, пытавшейся реформировать реальность через идею.

Однако, вопреки читательскому ожиданию, ироничность стихотворения превращается в некую трагическую интонацию: образ «кровавого соловья» придает тексту оттенок шемящей меланхоличности. Это, пожалуй, один из самых выразительных примеров характерной для Стратановского стратегии – осмысления действительности через иронию, под которой таится боль. Эту интонацию Н. Л. Елисеев метко охарактеризовал, назвав поэта «клерком-соловьем» [Елисеев, 2000, с. 116].

Обсуждаемое безымянное стихотворение, открывшее первый выпуск «Обводного канала», было выбрано не случайно. Его эстетика строится на узнаваемом материале советского быта, однако все эти элементы, из которых складывается поэтическое пространство, подвержены трансформации. Процедура «переозначивания привычного» позволяет его текстам обрести символическую глубину. Подобный прием характерен для раннего Стратановского и особенно активно использовался в произведениях первой половины 1970-х гг., таких как «Мочащийся пролетарий» (1971), «Лампочка света разбитого...» (1975) и др. Например, в стихотворении «Ленинградская лестница...» (1975) читаем следующие строки:

Ленинградская лестница,
щи, коммунальная дверь...
Провода от звонков:
Иванов, Розенцвейг, Иванов.
В шапке снега бескровного,
с холода,

звябкими пальцами спичку –

В коммунальную бестолочь, выморочь,
в джунгли обид в коридоре.

Там женщина плачет в смятенье и горе,
В норе бытия
без любви и без света,

И ни единым словом не согрета [Стратановский, 2019, с. 53]

Лирические герои Стратановского, оказавшись либо в абсурдных, либо в беспросветно прозаических жизненных обстоятельствах, подаются в экзистенциально-трагическом ключе. Окружающие их бытовые предметы теряют утилитарную определенность и превращаются в искаженные знаки – симулякры, наделенные обостренной смысловой нагрузкой. Однако в поэзии 1980-х гг. эти «декадентские» интонации заметно смягчаются: им на смену приходит более сложное эстетическое решение.

Снижение патетического регистра свидетельствует о поэтической зрелости, выраженной в построении внутренне более независимого лирического субъекта. Такой герой не является «рупором» авторской воли – он обретает собственную перспективу. Поэт не диктует ему позицию, а разделяет с ним его психологический горизонт, создавая пространство диалога, где творец и творение сосуществуют как равноправные участники. Именно такая структура, как отмечал М. М. Бахтин, открывает текст для многоголосой интерпретации и вовлекает читателя в сферу экзистенциального и нравственного соучастия [Бахтин, 2000, с. 9–31].

Обратимся к развитию этой тематической направленности в творчестве Стратановского постсоветского периода. Сюда включается значительная часть стихотворений из сборника «Тьма дневная» (2000), посвященная экономическому кризису, национальным катастрофам, мечте о новой жизни и связанным с ней разочарованиям, а также многие произведения из сборников «Граффити» (2011) и «Молотком Некрасова» (2014). В них можно усмотреть преимущественно созерцательную позицию, афористичную манеру и умышленное избегание формальных украшений. Приведем пример интертекстуальной вариации – стихотворение «Умиравший Плеханов» (2012).

Что ж... Пора умирать...
Ничего в этом страшного нет.
Просто выключат свет,
просто атомы тела войдут

в тело вечной Природы [Стратановский, 2014, с. 14]

Фигура Плеханова вновь возвращается в поэтическое поле Стратановского, но фокус уже смещается с карнавального гротеска на личную трагедию. Говорящее лицо демонстрирует болезненное осознание упадка идеалов и метафизическую беспомощность перед лицом необратимого мироустройства. Апатичный, стоически ровный тон текста превращает драму в молчаливое принятие – не героическое и не циничное, но глубоко человеческое. Как отмечает И. Р. Ратке, для такой интонации характерен «околонулевой градус отношения к миру» – одно из ключевых эстетических свойств сборника «Молотком Некрасова» [Ратке, 2015, с. 123].

Прямолинейность выражения и лаконизм композиции намеренно отдалают читателя от как символических, так и эмоциональных перегрузок, погружая его в пространство почти протокольного бытия. Отказ от избытка метафор – столь заметной, например, в «Плеханове-вальсе» 1981 г. – подчеркивает важный творческий сдвиг поэта: от ироничного остранения к прямому, предельно очищенному высказыванию о трагическом опыте.

Краеугольным камнем тематического репертуара Стратановского служат и библейские мотивы, ярко воплощенные в цикле «Библейских заметок» и стихотворении «Письмо к брату» [Стратановский, 1985, с. 570–577; 1985–1986, с. 19–20]. В текстах на первый план выходят сцены из Ветхого Завета: истребление египетских первенцев, проникновение соглядатаев в Иерихон, нарушение запрета на прикосновение к ковчегу, страдания пророка Давида и другие ключевые эпизоды священной истории.

Параллель между ветхозаветным благоговением перед грозным и всеведущим Богом и экзистенциальным чувством духовной дезориентации, пронизывающим раннее творчество Стратановского, прослеживается с очевидностью. Эти мотивы функционируют не просто как содержательные аллюзии, но становятся своеобразными «контейнерами смыслов», в которых поэт осмысляет пределы познания, соединяя сакральные образы с актуальной реальностью. Так возникает инохронотопическая перспектива, где библейский миф оказывается зеркалом современности. Так как религиозная проблематика в поэзии Стратановского уже получила освещение в современном литературоведении [см.: Тимонина, 2017; Колымагин, 2020 и др.], в рамках дан-

ного анализа акцент делается на интертекстуальные «зацепки», встречающиеся в основном в публикациях «Обводного канала».

Прежде всего следует отметить те поэтические образы, подвергнувшиеся неоднократному варьированию. Так, выделим один из классических для Стратановского образов, который сразу привлекает внимание при прочтении цикла «Библейских заметок»:

Ящики скорби и радости
Кукла Его Авраам
Куклы Его Моисей,
пророки, цари на Сионе
И на огромной ладони
Камушком кажется Храм
Ящики гнева и трепета,
войн, всеожженных и царств
Имя Его не узнаешь,
след от стопы не найдешь
Входит Он в мясо как нож
Жизнь похищает как вор [Стратановский, 1985, с. 36]

Образ «ящика» становится здесь метафорой экзистенциальной антиномии: противоречия между личной свободой и трансцендентным контролем, между хаосом и порядком, между человеческой конечностью и абсолютизмом власти. Он вбирает в себя ассоциации как с ветхозаветным ковчегом, так и с мифической шкатулкой Пандоры. Поэт как бы ставит перед читателем символический выбор: принять страдание и хаос (дар Пандоры) или устремиться к спасению и гармонии (сущность ковчега).

Этот мотив обретает особую философскую плотность в контексте экзистенциалистской традиции, что подтверждается и названием одного из немногих самиздатских сборников поэта – «В страхе и трепете». Справедливо отмечает А. Ю. Арьев, что это наименование, напрямую отсылающее к философии С. Кьеркегора, являлось «вызовом господствующему в СССР диамату» [Арьев, 2017, с. 209].

Остановимся на интертекстуальных вариациях, восходящих к символике «ящика». Первая из них разворачивается в стихотворении «На улицах летнего света...» (1970):

На улицах летнего света
Пить воду и яблочный сок
Шататься без толку, шататься
Забиться, не слышать стараться

Как дышит развязанный где-то
Смертей и рождений мешок
Как страшен бывает ребенок
Для жалких, ничемных отцов
Так время сквозь боль и спросонок
Пугает и прячешь лицо
На улицах сорного лета
Эксперсии, игры детей
И боль от животного света
Грядущей любви и смертей [Стратановский,
1993, с. 11]

В этом стихотворении Стратановский конструирует образ «мешка смертей и рождений» как современную реинкарнацию библейского «ящика» – контейнера, вмещающего не только биологические циклы, но и неопределенную, отложенную будущность. На первый взгляд, стихотворение можно интерпретировать как отклик на социальную проблему исключения нежеланных детей. Однако более продуктивной представляется иная трактовка: речь идет не о физическом, а о символической маргинализации, вытеснении из социокультурного порядка фигур, нарушающего логос исторического времени.

В этом контексте просматривается прозрачная метафора самого андеграундного круга, вынужденного существовать на периферии советской культурной карты. Повторяющееся в стихотворении словосочетание «сорное лето» также мотивирует это прочтение, маркируя не только образ пространства, подверженного деградации, но и настроение культурной изоляции, в которой оказывается лирический субъект.

Хронологически между этим стихотворением и «Библейскими заметками» возникает еще один значимый текст – «В страхе и трепете» (1979), давший название упомянутому сборнику. Именно в нем отражается промежуточное развитие мотива «мешка»:

Летят болезни из мешка
Судьбы.
И кружится над нами
Их невидимая стая.
Кому назначена какая,
Какими клювами, когтями
Вонзится в плоть? [Стратановский, 1993,
с. 107]

В этом фрагменте поэтический образ «мешка» сохраняет функцию вместилища судеб, но его семантика претерпевает смещение: теперь он

выступает как источник зла, открывающий путь исключительно невидимым силам разрушения и болезни. Этот «мешок судеб» соединяет ветхозаветный страх перед телесной уязвимостью и представляет собой переходный момент в эволюции мотива: от религиозной трепетности к осознанию тела как жертвы. Эта связка открывает перспективу развития мотива в направлении символической маргинализации и травмы – в частности, образа «подкидышей» как телесно и онтологически исключенных фигур.

Таким образом, в текстах Стратановского наблюдается очевидная автореференциальность и стремление поэта к постоянному переосмыслению образов, что формирует устойчивый символический ряд. Эти трансформации укрепляют его узнаваемый стиль и демонстрируют способность к непрерывному усложнению собственной поэтической системы.

Естественно, что в стихотворениях, затрагивающих религиозную тематику, существует ряд интертекстуальных связей иных уровней, включая персонажи и сюжеты. Без особого труда можно установить связь, например, с поздними сборниками «Смоковница» (2010) и «Иов и араб» (2013), насыщенными религиозными мотивами. В них усиливается интерес к Новому Завету, но сохраняются и отголоски ветхозаветных сюжетов – от Иисуса Навина и Иова до фигуры пророков, воплощенных в самом лирическом герое. В ряде текстов автор даже создает собственные апокрифы, продолжая линию поэтики, начатую в период «Обводного канала» [см.: Стратановский, 2010; 2013].

Стилевые векторы: жанровая игра и эстетика эпатажа

С момента поэтического дебюта 1968 г. Стратановский продемонстрировал устойчивую склонность к жанровым экспериментам, создавая тексты, в которых органично сосуществуют элементы различных литературных традиций. Как В. Кривулин отметил, в его произведениях «Суворов» (1973) и «Диалог о грехе Обезьяны Пешек и старчика Григория Сквороды» (1979) наблюдается то, как «абсурдизм органически сплавляется с возвышенной классической одической традицией» [Кривулин, 1996, с. 264].

Стихотворные публикации в «Обводном канале» продолжают и развивают эти поиски, превращаясь в своего рода лабораторию по расширению жанрового диапазона. Жанровая вариативность и разветвленные модели в данном кор-

пусе текстов представляют собой не только формальное обновление, но и особый тип интертекстуальности в широком смысле слова. Речь идет о замкнутой серии, внутри которой автор стремится объединить отдельные произведения посредством стилистических экспериментов и тем самым выстроить внутренне связанную поэтическую конструкцию. Взаимодополнение жанровых форм обеспечивает эффект сквозного тематико-стилевого движения.

Так, стихотворение «Роза просто» может быть охарактеризована как «спекулятивная ода», в которой исследуется природа страсти через плотскую метафорику:

Плотоядная чашечка,
роза сосуца, глотающая
Вне метафизики, мистики –
живоглотный, животный цветок
Роза любви беспросветной
ночная насильница, – роза
В биореторте души [Стратановский, 1981, с. 26].

Произведение сочетает одическую инотацию с медитативным жестом, смещая акцент с возвышенной символики на предметную чувственность, физиологическую зримость страсти. В таком ключе оно вызывает отдаленные параллели с «Испанской танцовщицей» И. Бродского (1992), где экспрессия фламенко предстает как источник метафизических размышлений о боли и распаде. Тем не менее, если у Бродского доминирует неоклассическая строгость, то у Стратановского прослеживается склонность к гротеску и телесно-мистическому напряжению:

Он – слепок боли
в груди и взрыва
в мозгу, доколе
сознание живо.

В нем – скорбь пространства
о точке в оном,
себя напрасно
считавшем фоном.
<...>

ее круженье
одновременно
ее крушенье,

и мускул платья
в своем полете

свободной плоти,
и чужд объятья.

<...>

О, этот сполох
шелков! По сути
спуск бедер голых
на парашоте [Бродский, 2022, с. 148–150]

В том же жанровом ключе стоит рассматривать и поэтические послания, пронизанные патетической иронией. Так, в «К секретарю райкома» бюрократический «новояз» советской эпохи пародийно внедрен в структуру наставительных афоризмов, превращая произведение в сатирическую проповедь [Стратановский, 1985–1986]. Напротив, «На смерть Утопии» оформлено как ироничная элегия, в которой «утопия» предстает в виде утопленницы – «нашей общей жены», чья панихида становится метафорой прощания с несбывшимся идеалом [Стратановский, 1987, с. 18]. Дополняет эту картину цикл «Научная фантастика в стихах» (1987, № 11), стилизованный под поэтический фельетон [Стратановский, 1987, с. 19–22]. Он демонстрирует исключительную пластичность письма, где элементы сатиры, гротеска, аллюзий и документального абсурда соединяются в подвижную жанровую структуру.

В стихотворениях, опубликованных в «Обводном канале», обнаруживается еще один стилистический вектор, связанный с художественными экспериментами неофициальной среды. Это сознательный прием эпатажа поэтического языка – разрушения нормативных представлений как о морали, так и о языке. Так, в стихотворении «О любовники жаркие...» можно увидеть эксцентричные окказионализмы:

О любовники жаркие начиненные жирными
рыбами
И на ложе восторгов жующие рыб
И наевшись по горло не кажутся грубыми
Поцелуй испачканных губ

Любочавканье плоти, плотва-людоедица
В игломьясом чудовище чмокание двух
Поцелуй меня в ухо сестра моя пленница
С рыбьей кровью смесившая дух [Стратановский, 1981, с. 26].

Сюжетная непредсказуемость и лексическое буйство задают тональность эстетического шока. Начальная строка второй строфы построена по хиазмическому принципу, создающему компо-

зиционную напряженность, а неологизм «любочавканье» активизирует поле ассоциаций, отсылающее к словам типа «любостязание», «любострастие» и «прелюбодеяние», формируя лексико-семантическую зону нарушения. Возникающее напряжение не просто эстетично, но провокационно: оно подрывает сразу несколько уровней культурной нормативности – от морали до сакральных коннотаций.

Как отмечал Кривулин, образы в данном стихотворении можно интерпретировать через призму раскола Русской православной церкви XVII в. [Кривулин, 1996, с. 267]. Мотивы «поедания» [см.: Рогов, 1999, с. 142–152] и «чавканья» также активируют евхаристическую символику. «Рыба» выступает как традиционный образ Христа, приобретая двусмысленную окраску – она одновременно сакральная сущность и жертва физиологического поглощения, граничащего почти с кощунством. Конфликт возникает между благоговением и профанацией, воплощаясь в ряде антитез: любовь – плоть, человечность – животность, высокое – низкое.

Особое внимание заслуживает образ «плотвы»: он играет на сочетаниях с «жеванной рыбой», переключаясь с процессом «чавканья», а также символизирует измененность черни. Эта замысловатая концепция встречается у Стратановского и в другом стихотворении – «Стеклотару сдают, неботару...» (1975):

Стеклотару сдают, неботару
Баботару восторгов, надежды
Баботару любви
с отпечатками скотства и пьянства
Неботару без неба, с остатками боли и яда
Боготару пространства
с **плотвой Иисусовой**, с мусором
С метафизикой боли,
метафизикой зорь и надежды [Стратановский, 1993, с. 26].

Эпитет «Иисусова» в сочетании с «плотвой» в контексте христианской символики активизирует традиционную ассоциацию рыбы с образом Христа. Тем не менее, здесь эта связь, обычно сопряженная с благочестием и духовной метафорикой, оказывается радикально переосмысленной: сакральное вступает в диалог с будничным, обыденным, а порой и откровенно низовым.

Автор создает контраст между лексемами с бытовым, а порой даже грубоватым оттенком («баба», «скотство», «пьянство», «плотва», «му-

сор»), и словами, отсылающими к сфере возвышенного и трансцендентного («небо-», «Бог-», «Иисусова», «метафизика», «заря», «надежда»). Этот контраст усиливается чрезмерным натурализмом, почти циничной прямоотой, что обостряет восприятие этих образов и делает столкновение регистров особенно более ощутимыми. Примечателен в этом ряду слов неологизм «Боготара», в котором божественное начало как бы вмонтировано в практику утилизации – сакральное оказывается поставленным под вопрос. Поэт предлагает задуматься о возможности присутствия Божьего в пространстве маргинального и отверженного.

Следовательно, стихотворные публикации Стратановского в журнале «Обводный канал» охватывают впечатляющий спектр жанровых решений – от спекулятивной оды и ироничной элегии до поэтического фельетона и провокационного экзистенциального послания. Наряду с этим эпатажный регистр, направленный на разрушение нормативных языковых и моральных ожиданий, органично соседствует с метафизической рефлексией. Именно интертекстуальные связи в виде внутренней автоцитатности становятся тем стержнем, который позволяет текстам функционировать как части единого поэтического цикла.

В этом многообразии стратегий проявляется главная особенность его поэтики: умение нащупывать смысл. Стратановский предстает внимательный создатель сложной стилевой системы, где каждый текст становится элементом разветвленной эстетической программы, формирующей внутреннюю целостность и открывающейся многомерной интерпретации.

Идейный поворот: от социальной интонации к духовным поискам

Вопрос об эволюции поэтики Стратановского в рамках журнала «Обводный канал» охватывает не только тематико-стилистические изменения, но и более тонкие сдвиги в его художественном самосознании. В индивидуальную систему творческих стратегий поэта включаются процессы осмысления, регулирования и артикуляция собственных эстетических принципов. В духе семиотики Лотмана текст как смыслообразующее устройство побуждает своего автора быть реципиентом созданных им же смыслов [Лотман, 2001, с. 203–219]. Поэзия Стратановского также превращается в арену активного взаимодействия с предшествующими текстами, что приводит к

формированию сложной интертекстуальной сети, пронизывающей его произведения.

Наиболее выразительное воплощение поэтической стратегии обнаруживается в поздних миниатюрах, завершающих период сотрудничества Стратановского с журналом «Обводный канал». Так, «Двор» и «Депрессия» можно рассматривать как концентрированное выражение поворота от экзистенциальной скорби – столь характерной для его ранней лирики – к более сдержанному, но в то же время нервному духовному поиску, который станет определяющим в его последующей поэтической траектории.

Примечательно, что эти тексты включились ни в один из авторских сборников, в том числе и «Изборник» (2019) – масштабную ретроспективу творчества, подготовленную самим поэтом. Это отсутствие не выглядит случайным. Возможно, причина кроется в высокой степени интимности и исповедальности, из-за которых данные тексты оказались бы слегка уязвимыми в публичном пространстве. Вместе с тем, в своей непредъявленности они обретают особую ценность – как точка концентрации поэтического осознания, в которой поэт фиксирует не столько завершённую форму, сколько порывы перехода, предельную чувствительность к собственной внутренней трансформации.

В стихотворении «Двор», проникнутом прощально-меланхолической интонацией, выстроен образ лирического героя, погружённого в состояние утраты, изоляции и духовного онемения. Нам видится пространство предельной обыденности, где отголоски сакрального существуют не столько в искажённом, сколько в кошмарном виде:

Я на паперти храма
не буду кормить голубей
Хлебом насущным.
Как утро грубеет в окне...
Не голубеет, пытается
(Скажут: светает, рассвет...)
Слышу: осколки...окно...чья-то судьба
или тара
Винная... взвизги, гитара...
Это Высоцкий запел
в черном свитере Гамлет таганский...
Сдашь ли сегодня бутылки?
спросит дворовая муза
С пьяной ухмылкой
Сдашь ли бутылки?
Ведь надо прожить до зарплаты

Куток колодец двора.
Утро визжит как вчера
Мутно как завтра
И подол твой уж задран
поэзия, муза, сестра
Мутен колодец души
Научи меня, Господи,
я не умею молиться... [Стратановский, 1988, с. 5]

Почти обрывочное высказывание фиксирует сдвиг – отказ от ритуала, от традиционного акта милосердия, как симптом утраты сопричастности с сакральным. Звукоряд стихотворения, насыщенный фрагментарными репликами и визуальными-акустическими образами («осколки... окно... чья-то судьба», «взвизги, гитара»), создает атмосферу повседневного неблагополучия, в котором личные ориентиры подвергнуты эрозии.

Примечателен поэтический образ «дворовой музы» – фигуры одновременно бытовой и мифологизированной, в которой воплощается тот же центральный для Стратановского мотив: сращение маргинального и возвышенного. Подобно ранее рассмотренным текстам, обыденный двор становится ареной откровения, местом, где поэзия возможна «вопреки», а не «благодаря» канону.

Особого внимания заслуживает художественное решение, отражающее внутреннюю динамику произведения и достигающее кульминации в его финале. Если эпитет «мутное как завтра» лишь ненавязчиво намекает на предчувствие грядущей нестабильности и неизбежных катаклизмов, то к финалу тревога достигает апогея: читателю открывается интенсивный страх перед поглощением человеческого существования грязью и цинизмом обыденности («Мутен колодец души // Научи меня, Господи, // я не умею молиться...»). Эта интонация лишена просветленного катарсиса – напротив, она становится жестом обнаженной немоты, актом, в котором невозможность молитвы звучит громче самой молитвы.

Тем самым «Двор» фиксирует поворотный момент в «автопоэтике» Стратановского: от социальной вовлеченности к созерцательной дистанции, от сатирической иронии к попытке молитвенного высказывания. Такой переход знаменует собой ключевое метафизическое переформатирование поэтического «я» – шаг в сторону внутреннего сосредоточения, которое открывает дорогу зрелой религиозно-философской лирике. Это свидетельствует о внутреннем переломе,

связанном с переосмыслением роли поэзии в условиях изменяющейся социальной реальности.

Наиболее выразительно художественная трансформация прослеживается в стихотворении «Депрессия», где предвосхищается направление, в котором будет держаться творчество в последующие годы:

Время мое от таблетки к таблетке ползя
Тихо дичает.

И смотрит икона Ничто
В начиненного химией.

Выйду в заброшенный сад
«Здравствуй, – скажу я шатру
листьев шумящих. –

«Химия мира еще не вселилась в тебя
Древен, но мощен еще
Ствол Саваофов».

«Здравствуй, – скажу я земле. –
Мы с тобою и вправду родные,
Не отвергай же меня,

выслушай тихо меня» [Стратановский, 1988, с. 6].

Интонация этого стихотворения принципиально иная: она не маркирует бегство или отстранение, а, напротив, означает откровенный выход и обращение. Перформативное высказывание «выйду» при этом задает внутреннюю настройку на смирение и диалог. Пространство «заброшенного сада» – архетипическая проекция «потерянного рая», места до-разрушенного, в котором еще возможно восстановление связи с первоосновами бытия.

Метафора «шатра» с эпитетом «Саваофов» актуализирует ветхозаветный символический ряд, в частности – образ скинии как подвижного храма. Таким образом, поэтический субъект предстает в позиции неуверенного пророка, ищущего опоры вне разложившегося культурного порядка. Обращение к земле как к «родной» происходит в регистре доверия и влечения к очищающей телесности, противопоставленной «химии» – универсальному символу подмены, коррозии и симуляции. Этот жест наполнен покаянной просьбой о возвращении к истоку, не искаженному той или иной фильтрацией.

Отсюда видно, что авторская поэтика Стратановского переориентируется на внутреннюю антропологическую вертикаль, направленную одновременно к религиозно-философским и этнографическим исследованиям. Именно в этом ключе развивается его творчество XXI в. В сбор-

нике «Рядом с Чечней» (2002), например, поэт осмысляет опыт чеченской войны и местных мифологических структур, в которых поднимается проблема «парадоксального сознания русской интеллигенции», ее двойственного отношения к культурной близости и родству [Бобышев, 2003, с. 108; Зверева, 2020, с. 651–658]. В книге «Оживление бубна» (2009) заявлена программа откликов на мифологию коренных народов России [Стратановский, 2024, с. 5], а в сборниках «Смоковница» (2010) и «Иов и араб» (2013) реализуется уже прямое движение в сторону библейской поэтики [Орлицкая, 2012, с. 169–172], а именно от аллюзии к откровению, от символа к пророческому голосу.

Сознательная культурологическая рефлексия становится очевидной при сопоставлении двух важных стихотворений – «Обводный канал» (1969) и «И вдоль канала Обводного...» (1998). Как ни странно, они, несмотря на очевидную тематическую близость к «Обводного каналу», хронологически и текстологически остаются за пределами его публикационного корпуса. В первом стихотворении образ «канала» выступает как символ индустриального застоя, городской запущенности и экзистенциального удушья, в котором лирическое «я» буквально растворяется в урбанистической энтропии:

А там – Главрыбы и Главхлеба
Немые, пасмурные души,
А там промышленное небо
Стоит в канале

<...>

Дым заводской живет в канале,
Чуть брезжит, чуть брезжит осенний день,
И буквы вывески Главсоль
Шагают по воде [Стратановский, 1993, с. 19].

Во втором тексте, написанном почти через тридцатилетие, образ канала сохраняет свою функцию метафоры отчуждения, однако обретает новое смысловое измерение. «Канал» становится порогом между внутренней стагнацией и возможным освобождением, между повседневностью и трансцендентным устремлением:

И вдоль канала Обводного
Грохот махин болетворных
Грузовозов тоски
и сжимает, сжимает виски
Транспортное кольцо,
и в обыденном грохоте тонет

Исчезает лицо,
а душа устремляется в море [Стратановский, 2019, с. 169].

Таким образом, второй текст развивает внутреннюю траекторию: индустриальный морок сменяется возможностью метафизического выхода. «Душа», как подчеркивается в финальной строке, освобождается от индустриального кольца и направляется к пространству «моря».

Сделаем экскурс: для Стратановского, как и для ленинградского андеграунда в целом, этот топоним важен не только как поэтический образ, но и как физический атрибут субкультуры. Инициаторы издательского проекта «Обводного канала» закрепили его в названии издания и неоднократно высказывались о его истоках. В интервью сам Стратановский заявлял: «Район Обводного всегда был квинтэссенцией урбанизма, символом забытости и богооставленности и связан с моими ленинградскими стихами», тогда как Бутырин указывал на идею «обводки» как «окольного пути, минующего торжища как официоза, так и неофициальной культуры» [Самиздат, 2003, с. 435]. Примечательно, что ряд поэтов, таких как Н. А. Заболоцкий, В. Б. Кривулин и Е. А. Шварц, обращались к образу Обводного канала в своих стихотворениях, способствуя формированию современного урбанистического мифа об этом объекте [см.: Дзюмин, 2010; Саббатини, 2013, с. 287–308]. В этом смысле «Обводный канал» предстает как поэтический способ мышления и самоидентификации. Извиваясь и шевелясь, он становится границей между застоем и рывком, а также между подчинением отчаянию и его преодолением.

Заключение

Проведенный анализ стихотворных публикаций С. Г. Стратановского, появившихся в журнале «Обводный канал» в 1980-е гг., позволяет говорить о формировании его творческого архива, в котором зафиксированы важные этапы становления авторской поэтической системы. Элементы советской повседневности и религиозно-философские мотивы, ирония, гротеск, эпатаж и жанровая игра – все это свидетельствует о динамике поэтического сознания, стремящегося к постоянному соотносению со своими текстуальными матрицами. Особенно значимым оказывается идейный поворот от социальной интонации к духовным поискам, определивший вектор развития его дальнейшей творческой траектории.

Интертекст в поэтике Стратановского выступает не только как отклик на культурные коды эпохи, но и как способ концептуализации поэтического «я» – инструмент самоосмысления, реализуемый через рефлексивное цитирование, стилизацию и смысловое сближение. В этом контексте «Обводный канал» становится поэтическим медиумом, в котором утверждаются параметры авторской эстетики и выстраивается связь между разновременными пластами его творчества. Именно здесь поэтика Стратановского достигает качественно новой зрелости: разработанный в этом журнале тематико-стилевой арсенал получает дальнейшее развитие в последующих сборниках – от первого официального издания «Стихи» (1993) до книг 2000–2010-х гг., где ранний опыт тонко варьируется в новых историко-культурных условиях.

Таким образом, интертекст выступает не только как эстетическая стратегия, но и как механизм поддержания целостности и непрерывности поэтического мира, формирующегося на пересечении личной памяти, культурного кода и эпохального сдвига.

Библиографический список

1. Арьев А. Ю. О Боге и боли: поэзия Сергея Стратановского // Урал. 2017. № 1. С. 208–220.
2. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. Москва: Прогресс, 1989. С. 384–391.
3. Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. Санкт-Петербург: Азбука, 2000. 336 с.
4. Бобышев Д. В. Червоточина нашего времени // Арион. 2003. № 1. С. 105–109.
5. Бродский И. А. Стихотворения и поэмы: в 2 т. Т. 2 / вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Л. Лосева. Санкт-Петербург: ИГ «Лениздат», «книжная лаборатория», 2022. 672 с.
6. Бурдые П. О символической власти // Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. пер. Н. А. Шматко. Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. С. 87–96.
7. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева. Москва: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 304 с.
8. Дзюмин Д. «Я стал молчанием и сором бытия». Обводный канал – литература и мистика / Livejournal, 2010. URL: <https://dzumin.livejournal.com/123398.html?ysclid=m5pkucrbob748013404> (дата обращения: 01.01.2025)
9. Елисеев Н. Л. Клерк-соловей // История ленин-

градской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы : сборник статей / сост.: Б. И. Иванов, Б. А. Рогинский; ред. Б. И. Иванов. Санкт-Петербург : ДЕАН, 2000. С. 116–126.

10. Женетт Ж. Фигуры: В 2-х т. : Т. 2. / пер. с фр. Е. Васильевой и др. Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 469 с.

11. Зверева Т. В. «Сумерки богов» в поэтической книге Сергея Стратановского «Оживление бубна» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. № 4. С. 651–658.

12. Каталог периодики Самиздата. 1956–1986 / сост.: А. Комароми, Г. М. Кузовкин. «Международный Мемориал», 2018. 167 с.

13. Колымагин Б. Ф. Религиозная поэзия андеграунда 1960–1980 годов. Москва : Виртуальная галерея, 2020. 248 с.

14. Кривулин В. Б. Сергей Стратановский: к вопросу о петербургской версии постмодерна // НЛЮ. 1996. № 19. С. 261–267.

15. Лотман Ю. М. Семиосфера. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2001. 703 с.

16. Орлицкая А. Микроистория великих событий // Октябрь. 2012. № 2. С. 169–172.

17. Памяти Кирилла Бутырина. Статьи, переписка, интервью, воспоминания. Изд. 2-е, испр. и доп. / сост. В. Бутырина, С. Стратановский; под ред. А. Арьева, С. Стратановского. Санкт-Петербург : Юлукка, 2019. 460 с.

18. Ратке И. Р. Гвозди Стратановского // Prosödia. 2015. № 2. С. 123–125.

19. Рогов О. О поэзии Сергея Стратановского (Очерки русской неподцензурной поэзии второй половины XX века. Статья вторая) // Волга. 1999. № 9. С. 142–152.

20. Саббатини М. «Обводный канал» в мифопоэтике Сергея Стратановского 1970-х – 1980-х годов // «Вторая культура». Неофициальная поэзия Ленинграда в 1970–1980-е годы: Материалы международной конференции (Женева, 1–3 марта 2012 г.) / сост. и науч. ред.: Ж.-Ф. Жаккар, В. Фридли, Й. Херльт; ред.: П. Казарновский. Санкт-Петербург : Издательство «Росток», 2013. С. 287–308.

21. Самиздат Ленинграда. 1950-е–1980-е. Литературная энциклопедия / авт.-сост.: В. Э. Долинин, Б. И. Иванов, Б. В. Останин, Д. Я. Северюхин; под общ. ред.: Д. Я. Северюхин. Москва : НЛЮ, 2003. 624 с.

22. Стратановский С. Г. Библиейские стихи // Обводный канал. № 7. 1985. С. 36–41.

23. Стратановский С. Г. Возвращаясь к Багрицкому // Звезда. 2007. № 2. С. 191–208.

24. Стратановский С. Г. И вдоль канала Обводного... // Новая камера хранения. 2019. URL: http://newkamera.de/stratanovskij/stratanovskij_02.html (дата обращения: 12.03.2025)

25. Стратановский С. Г. Избранные стихотворения // Обводный канал. 1981. № 1. С. 26–28.

26. Стратановский С. Г. Избранные стихотворения // Обводный канал. 1985–1986. № 8. С. 19–20.

27. Стратановский С. Г. Избранные стихотворения // Обводный канал. 1987. № 11. С. 18–22.

28. Стратановский С. Г. Иов и араб. Книга стихотворений. Санкт-Петербург : «Пушкинский фонд», 2013. 32 с.

29. Стратановский С. Г. Молотком Некрасова. Книга новых стихов. Санкт-Петербург : «Пушкинский фонд», 2014. 68 с.

30. Стратановский С. Г. Оживление бубна. Санкт-Петербург : Jagomir Hladik press, 2024. 96 с.

31. Стратановский С. Г. Смоковница. Стихи разных лет. Санкт-Петербург : «Пушкинский фонд», 2010. 64 с.

32. Стратановский С. Г. Стихи 1988 года // Обводный канал. 1988. № 14. С. 5–6.

33. Стратановский С. Г. Стихи 1975–1989 года // Обводный канал. 1989–1993. № 16.

34. Тимонина П. А. Библиейские образы и мотивы в русской поэзии 60–80-х годов XX века. ВКР. Санкт-Петербург, 2017. 59 с.

Reference list

1. Ar'ev A. Ju. O Boge i boli: pojezija Sergeja Stratanovskogo = On God and pain: Sergei Stratanovsky's poetry // Ural. 2017. № 1. S. 208–220.

2. Bart R. Smert' avtora = Death of the author // Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Pojetika / per. s fr.; sost., obshh. red. i vstup. st. G. K. Kosikova. Moskva : Progress, 1989. S. 384–391.

3. Bahtin M. M. Avtor i geroj: k filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk = The author and the hero: towards philosophical bases for humanitarian sciences. Sankt-Peterburg : Azbuka, 2000. 336 s.

4. Bobyshev D. V. Chervotochina nashego vremeni = The wormhole of our time // Arion. 2003. № 1. S. 105–109.

5. Brodskij I. A. Stihotvorenija i pojemy = Verses and poems: v 2 t. T. 2 / vstup. stat'ja, sost., podg. teksta, primech. L. Loseva. Sankt-Peterburg : IG «Lenizdat», «knizhnaja laboratorija», 2022. 672 s.

6. Burd'e P. O simvolicheskoj vlasti = On symbolic power // Burd'e P. Sociologija social'nogo prostranstva / per. s franc.; otv. red. per. N. A. Shmatko. Moskva : Institut jeksperimental'noj sociologii; Sankt-Peterburg : Aletejja, 2007. S. 87–96.

7. Gofman I. Predstavlenie sebja drugim v povsednevnoj zhizni = The Presentation of Self in everyday Life / per. s angl. i vstup. stat'ja A. D. Kovaleva. Moskva : Kanon-Press-C, Kuchkovo pole, 2000. 304 s.

8. Dzjumin D. «Ja stal molchaniem i sorom bytija». Obvodnyj kanal – literatura i mistika = «I have become silence and the rubbish of existence». Obvodny canal – literature and mysticism / Livejournal, 2010. URL: <https://dzumin.livejournal.com/123398.html?ysclid=m5pkucrbob748013404> (data obrashhenija: 01.01.2025)

9. Eliseev N. L. Klerk-solovej – Clerk-nightingale // Istorija leningradskoj nepodcenzurnoj literatury: 1950–1980-e gody : sbornik statej / sost.: B. I. Ivanov, B. A.

Roginskij; red. B. I. Ivanov. Sankt-Peterburg : DEAN, 2000. S. 116–126.

10. Zhenett Zh. Figury = Figures: V 2-h t. : T. 2. / per. s fr. E. Vasil'evoj i dr. Moskva : Izd-vo im. Sabashnikovyh, 1998. 469 s.

11. Zvereva T. V. «Sumerki bogov» v pojeticheskoj knige Sergeja Stratanovskogo «Ozhivlenie bubna» = «Twilight of the Gods» in Sergei Stratanovsky's poetry book «Revival of the tambourine» // Ezhegodnik finnogorskih issledovanij. 2020. № 4. S. 651–658.

12. Katalog periodiki Samizdata. 1956–1986 = Catalog of Samizdat periodicals. 1956–1986 / sost.: A. Komaromi, G. M. Kuzovkin. «Mezhdunarodnyj Memorial», 2018. 167 s.

13. Kolymagin B. F. Religioznaja poezija andegraunda 1960–1980 godov = The underground religious poetry 1960–1980. Moskva : Virtual'naja galereja, 2020. 248 s.

14. Krivulin V. B. Sergej Stratanovskij: k voprosu o peterburgskoj versii postmoderna = Sergei Stratanovsky: towards St.-Petersburg version of postmodernism // NLO. 1996. № 19. S. 261–267.

15. Lotman Ju. M. Semiosfera = Semiosphere. Sankt-Peterburg : Iskusstvo-SPb, 2001. 703 s.

16. Orlickaja A. Mikroistorija velikih sobytij = Microhistory of great events // Oktjabr'. 2012. №2. S. 169–172.

17. Pamjati Kirilla Butyrina. Stat'i, perepiska, interv'ju, vospominanija = In memory of Kirill Butyrin. Articles, correspondence, interviews, memoirs. Izd. 2-e, ispr. i dop. / sost. V. Butyrina, S. Stratanovskij; pod red. A. Ar'eva, S. Stratanovskogo. Sankt-Peterburg : Juolukka, 2019. 460 S.

18. Ratke I. R. Gvozdi Stratanovskogo = Stratanowski's nails // Prosödia. 2015. № 2. S. 123–125.

19. Rogov O. O poezii Sergeja Stratanovskogo (Ocherki russkoj nepodcenzurnoj poezii vtoroj poloviny HH veka. Stat'ja vtoraja) = On Sergei Stratanovsky's poetry (Essays on uncensored poetry in the second half of the XX century. The second article) // Volga. 1999. № 9. S. 142–152.

20. Sabbatini M. «Obvodnyj kanal» v mifopojetike Sergeja Stratanovskogo 1970-h – 1980-h godov = «Obvodny canal» in Sergei Stratanovsky's mythopoetics of 1970s–1980s // «Vtoraja kul'tura». Neoficial'naja poezija Leningrada v 1970–1980-e gody: Materialy mezhdunarodnoj konferencii (Zheneva, 1–3 marta 2012 g.) / sost. i nauch. red.: Zh.-F. Zhakkar, V. Fridli, J. Herlt; red.: P. Kazarnovskij. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo «Rostok», 2013. S. 287–308.

21. Samizdat Leningrada. 1950-e–1980-e. Literaturnaja jenciklopedija = Samizdat in Leningrad. 1950s–1980s. Literary encyclopedia / avt.-sost.: V. Je. Dolinin, B. I. Ivanov, B. V. Ostanin, D. Ja. Severjuhin; pod obshh. red.: D. Ja. Severjuhin. Moskva : NLO, 2003. 624 s.

22. Stratanovskij S. G. Biblejskie stihy = Bible Verses // Obvodnyj kanal. № 7. 1985. S. 36–41.

23. Stratanovskij S. G. Vozvrashhajas' k Bagrickomu = Back to Bagritsky // Zvezda. 2007. № 2. S. 191–208.

24. Stratanovskij S. G. I vdol' kanala Obvodnogo... = And along the bypass canal // Novaja kamera hranenija. 2019. URL: http://newkamera.de/stratanovskij/stratanovskij_02.html (data obrashhenija: 12.03.2025)

25. Stratanovskij S. G. Izbrannye stihotvorenija = Selected poems // Obvodnyj kanal. 1981. № 1. S. 26–28.

26. Stratanovskij S. G. Izbrannye stihotvorenija = Selected poems // Obvodnyj kanal. 1985–1986. № 8. S. 19–20.

27. Stratanovskij S. G. Izbrannye stihotvorenija = Selected poems // Obvodnyj kanal. 1987. № 11. S. 18–22.

28. Stratanovskij S. G. Iov i arab. Kniga stihotvorenij = Job and the Arab. A Book of Poems. Sankt-Peterburg : «Pushkinskij fond», 2013. 32 s.

29. Stratanovskij S. G. Molotkom Nekrasova. Kniga novyh stihov = With Nekrasov's hammer. A book of new poems. Sankt-Peterburg : «Pushkinskij fond», 2014. 68 s.

30. Stratanovskij S. G. Ozhivlenie bubna = Revival of the tambourine. Sankt-Peterburg : Jaromír Hladík press, 2024. 96 s.

31. Stratanovskij S. G. Smokovnica. Stihy raznyh let = Sycamine. Poems of different years. Sankt-Peterburg : «Pushkinskij fond», 2010. 64 s.

32. Stratanovskij S. G. Stihy 1988 goda = The poems of 1988 // Obvodnyj kanal. 1988. № 14. S. 5–6.

33. Stratanovskij S. G. Stihy 1975–1989 goda = The poems of 1988 // Obvodnyj kanal. 1989–1993. № 16.

34. Timonina P. A. Biblejskie obrazy i motivy v russkoj poezii 60–80-h godov XX veka = Biblical images and motifs in Russian poetry of the 60s–80s of the 20th century. VKR. Sankt-Peterburg, 2017. 59 s.

Статья поступила в редакцию 22.03.2025; одобрена после рецензирования 21.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 22.03.2025; approved after reviewing 21.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025